

ИВАН НУПРЕЯНОВ

Поэт, продюсер. Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов Москвы.

Родился в подмосковном городе Жуновском в 1986 году. Окончил

МГТУ имени Н.Э. Баумана с красным дипломом, там же пять лет преподавал теоретическую механику.

Автор трех поэтических сборников: «Априори» (2010), «Перед грозой» (2014), «Стихотворения 2010-х» (2020) и детской книги стихов «Мяв, Тяф и Чай» (2020). Лауреат премии «За верность Слову и Отечеству» имени первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига (2015), премии «Лицей» имени А.С. Пушкина (2021) в номинации «Поэзия».

* * *

Самолет пашет небо, по борозде
ты проводишь взглядом туда-сюда.
Кое-что о воздухе и воде,
и зачем рассыпана в нем вода.
У земли болтается на груди,
на цепочке рельсовой, тепловоз.
Погуди, пожалуйста, погуди,
из другого времени – и до слез.
На таком морозе и пыль чиста,
порошковый свет, порошковый лед.
У души младенческой нет хвоста,
отрастет за жизнь, отрастет.

* * *

Длится июнь сероглазый прекрасным летом
года живых – и нескоро до года мертвых.
Не угадать, что останется монолитом –
что унесет постепенно водой и ветром.
Лица смешаются с практикой преддипломной,
а имена и фамилии не поладят.
Можно забыть людей, а погоду помнить,
чтобы потом из нее проступали люди.
Город во мне срастается стоязыкий
из голосов любви, голосов досады.
Шины машин производят такие звуки,
словно в стакане бранятся вода и сода.
Вот бесконечный мост, бестолковый зонтик,
все расплывается, нужен восстановитель.
Там, где, по сути, точно должна быть кто-то,
только вода и ветер, вода и ветер.
Не исчезай или вместе со мной исчезни.
Я загадал желание на ресничке.
Вечный июнь отражается в круге жизни,
вечно бранится дождь со стоглазой речкой.

* * *

Влез Незнайка в ракету – и двигатели заревели,
задрожали конструкции, затрепетал солончак.
Каждой краской последней в своем нарисованном теле
все мытарства подъема прочувствовал бедный смельчак.
Так ужасно саднило лицо коротышки простое,
что читатели-дети смотреть на него не могли.
А потом, в невесомости, кверху тормашками стоя,
он циклоны считал на сжимавшемся диске Земли.
В девяносто восьмом я впервые попробовал водку,
мне двенадцать исполнилось. Даже не водку – первач.
Благородный букет, ощутимая хлебная нотка...
Я блевал, как бетономешалка, хоть смейся – хоть плачь.
Я не плакал давно. Неприлично давно для поэта,
потерявшего мать. Это значит, завяз во злобё.
В невесомости, в первой любви, и, наверное, в этом
человек поневоле становится равным себе.
Ну и что же Незнайка? Летит на Луну на ракете.
Не один, как я помню, – с невидимым другом вдвоем.
Как немного любовью дано... К сожалению, эти
все любви любовно подсчитаны в сердце моем.

* * *

Там, где мы замшелый шифер жгли,
нет огня – бетонный дым застывший.
По цене коммерческой земли
наше детство продано, не выше.

Некультурный был-то, в общем, слой.
«Лысый-лысый-слышь-иди-пописаи».
Вырастает комплекс нежилой,
там, где был пустырь неживописный.

В подмосковном летном городке
носят пламя новые мальчишки,
поголовье спичек в коробке
превращая в шевелюру вспышки.

* * *

Как старый фон для нового сюжета –
плешивый шарм расснеженной земли.
В эпохе той, которая не эта, –
мы в ней сошлись, как в небе журавли.
Душа Москвы, пружина Приарбатья,
мой чуткий друг, подруга дней весны.
Что ваш Талмуд, она читала платья –
и, черт возьми, все выводы верны.
Собак полно, да лучше всяких прочих –
ее дворняга, лабрадор и корг.
Душа столицы. В этом поле прочерк.
Душа Москвы уехала в Нью-Йорк.
Поговорить, понять могла и взвесить
всю пену дней, любовью карусель.
Сквозь дни весны, сквозь все штук тысяч десять,
она прошла, как трубка сквозь коктейль.
Спектакль всё. Рабочий сцены кило-
граммовой пылью засыпает зал.
Сергей Минаев лучшее, что было
в эпохе той, небрежно записал.

* * *

В неоновом склепе – музей нулевых,
где больше знакомых не встретишь.
Во-первых, уныло. И ночь – во-вторых,
и кончилась молодость – в-третьих.
У Толкина эльфы за море ушли –
такое же с нашей столицей.
Живые глаза только в зеркале и у ждущей тебя демоницы.
Ее волшебство, вещество, естество –
роскошные рыжие волны.
И раньше бы испепелила всего.
Теперь приобнимет – и полно.
За счастье заснуть у нее на груди
любое бы сделал бы в двадцать.
Мечты исполняются – ты погоди,
пока перестанет мечтаться.
Стаканы на баре похожи на тлю,
на ассортимент барахолки.
Москва, я ведь больше тебя не люблю.
Осколки. Осколки. Осколки.

* * *

Несчастный дождь помучился и стих –
и на окне кафе повис скелетом.
Благослови бранчующихся сих:
у них сегодня вечер тьмы и света.

Познал и ты кратчайшее из благ –
напиток легкий принимать за чувства.
Теперь расслабься, ощущая, как
в добро и зло спускается закуска.

У парня фон, у девушки айфон –
и вот они меняются местами.
У парня слон, у девушки заслон –
все точно так, как было между нами.

Дождь лег на стекла, будто на чело
по модулю уравненные числа.
Лишь полюбив добро свое и зло,
я различать в себе их научился.

На парне дрожь, на девушке пиджак,
под пиджаком бензин, огонь под дрожью.
Потом бим-бом, еще потом – плак-плак,
и флаг им в руки. Милым это можно.

Благослови – и с миром отпусти –
У них сегодня вечер тьмы и света.
Какая песня – Господи, прости!
Родная песня из чужого сета.

Круговорот, заманчивый unmute,
соленый шарик звука на пружине.
И пара любитя, и мертвецы поют
о том, как сладко любитя при жизни.

* * *

«Поколение системных ошибок».
А давайте нас *так* называть.
Развалился союз нерушимых.
В этот год мне исполнилось пять.
Было детство – такое, как было.
А теперь уже молодость – фьить!
Офигеть. Просветите дебила:
я не знаю, как правильно жить.
Ни о чем ваши Пруст и Набоков.
А воскресная школа – о чем?
Там однажды мне после уроков
засветили в висок кирпичом.
Я не знаю, с тех пор я подрос ли?
Нет, не чувствую, стал ли правей.
Больно много красивого после –
и любовей, и прочих любвей.
Очень просто все: раз – и готово.
И не счистить грехов, и не счесть.
Много вкусного, мало святого.
Но хотя бы какое-то есть.
Берег этот – не то чтобы круча.
Круча – это на том берегу,
где слова «Беловежская Путча»
крепко в детском засели в мозгу.

* * *

Строения – как иероглифы,
их надо учить много лет.
Мы думали, это уродливо,
но время сказало, что нет.
Какая-то шторка отдернута,
сошел неприятный налет...
Мне кофе горячего черного
ровесница века нальет.
Останется неповторимое,
вторичное смелется в пыль.
Железобетонная химия,
брутальный увесистый стиль.